

ТЕОРИЯ ЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ В ТРАКТАТЕ АРИСТОТЕЛЯ “РИТОРИКА”*

Телеологические взгляды Аристотеля, в полной мере отразившиеся и в его “Риторике”, предполагают ясное изложение риторических принципов и понятий, прозрачную связь последних, а также единство и целостность их структуры. Однако чрезвычайная краткость дефиниций, умолчания и не вполне отчетливая композиция текста, вероятно, объясняющиеся эзотерическим характером трактата, не всегда позволяют с определенностью судить о некоторых важных положениях сочинения философа.

Центр тяжести аристотелевской “Риторики” безусловно лежит на так называемых “технических” (ἐντεχνοὶ πίστεις) или риторических доказательствах. Аристотель различает три вида подобных доказательств (I, 12, 1356 a 1–20) и два типа речи – ἀποδεικτικὸς λόγος и ἠθικὸς λόγος (аподейктическая или силлогистическая речь и речь этическая), а в соответствии с этим и два способа аргументации: аподейктический и этический. Относительно последнего способа убеждения философ пишет (I, 2, 1356 a 21–27):

... ταύτας [πίστεις] ἐστὶ λαβεῖν τοῦ συλλογίσασθαι δυναμένου καὶ τοῦ θεωρῆσαι περὶ τὰ ἦθη καὶ περὶ τὰς ἀρετὰς καὶ τρίτον [τοῦ] περὶ τὰ πάθη, ... ὥστε συμβαίνει τὴν ῥητορικὴν οἷον παραφυῆς τι τῆς διαλεκτικῆς εἶναι καὶ τῆς περὶ τὰ ἦθη πραγματείας, ἢν δίκαιόν ἐστι προσαγορεύειν πολιτικὴν.

* Посмертной публикацией этой статьи редакция отдает долг памяти В. В. Вальченко (1940–2006?), известного филолога-классика, тесно связанного с Ленинградом – Петербургом. Окончив Ленинградский университет по кафедре классической филологии в 1969 г., В. В. Вальченко преподавал в Калининградском университете и защитил кандидатскую диссертацию под руководством А. И. Доватура (*Речь Ликурга против Леократа* [Л. 1977]). Основной предмет его научных публикаций, появившихся прежде всего в *ВДИ* и сборниках статей ленинградской – петербургской кафедры классической филологии, – греческая риторическая теория и практика. Ему принадлежит также перевод писем и нескольких речей Демосфена и комментарии к ним в коллективном труде: Демосфен. *Речи* (М. 1994) т. 1–2.

Этими доказательствами может пользоваться только человек, способный к умозаключениям и к исследованию характеров, добродетелей и аффектов ..., так что риторика оказывается как бы ответвлением диалектики и того учения о нравах, которое справедливо назвать политикой.¹

Из-за крайней сжатости определения неясной остается сущность аподейктических и прежде всего этических доказательств. Этим объясняется появление многочисленных, часто противоречивых, интерпретаций этической речи. Согласно только что приведенному, можно сказать, программному утверждению Аристотеля, к этической речи имеют отношение характеры (τὰ ἦθη), добродетели (αἱ ἀρεταί) и аффекты (τὰ πάθη). Однако нигде в тексте “Риторики” мы не встречаем сочетание παθητικὸς λόγος (аффективная речь). Аристотель, хотя и признает важность этого вида убеждения, тем не менее отказывает ему в праве на самостоятельное существование. Из этого также следует, что аффекты как составная часть входят в один из типов речи, а именно в ἠθικὸς λόγος.²

Хотя Аристотель не считает риторику наукой, так как она не имеет собственного предмета исследования, и видит в ней лишь метод для нахождения доказательств, для оратора он считает необходимым не только владение диалектикой, но и знание этики. Сведение Аристотелем учения о нравах (ἡ πραγματεία περὶ τῶν ἠθῶν) к политике справедливо по той причине, что этика, основой которой является психология, изучает поведение человека в обществе, т. е. по преимуществу она есть область знания, исследующая взаимоотношения гражданина и государства. Разделяя науки на три группы – теоретические, практические и творческие, – этику Аристотель относит к знанию практическому, тогда как риторику – к творческому. Это означает, что риторика опирается на знание, связанное с действием, т. е. риторика использует практическую этику как инструмент в целях создания логических доказательств.

¹ “Риторика” Аристотеля цитируется в пер. Н. Платоновой: *Античные риторики*. Собрание текстов, статьи, комментарии и общая редакция проф. А. А. Тахо-Годи (М. 1978).

² См.: М. Lossau. *Πρὸς κρίσιν τινὰ πολιτικὴν: Untersuchungen zur aristotelischen Rhetorik* (Wiesbaden 1981) 145; В. В. Вальченко. ἠθος в “Риторике” Аристотеля // *ВДИ* (1984): 2, 56.

Слова *περὶ τὰ ἦθη καὶ περὶ τὰς ἀρετὰς καὶ περὶ τὰ λάθη* из цитированного выше места (I, 2, 1356 a 21–27) подразумевают некое единство характеров, добродетелей и аффектов, так как все они являются предметом “науки о характерах”, *ἡ πραγματεία περὶ τῶν ἠθῶν*. Но если каждое из этих понятий находит свое место в тексте “Риторики” в виде расширенной топики характеров, добродетелей и аффектов, то их взаимосвязь и взаимоотношение при отсутствии систематического изложения приходится реконструировать, складывая целое из отдельных отрывочных замечаний, разбросанных по всему тексту трактата. Для того, чтобы выяснить структуру причинно-следственных связей в этической речи, необходимо сделать краткий обзор трех жанров ораторского искусства.

В наибольшей степени политическим, а значит, и этическим, по словам Аристотеля, является жанр совещательной речи, которому и отдается предпочтение перед другими жанрами красноречия (I, 1, 1354 b 23–25). Предмет совещательной речи составляют советы, так как дело оратора – советовать полезное и отговаривать от противоположного. На первом месте, как это всегда бывает у Аристотеля, стоит целесообразность. Цель совещательной речи – польза (*τὸ συμφέρον*), которая одновременно является благом (*τὸ ἀγαθόν*). Так как, по Аристотелю, цель – высшая причина, то материал шестой и седьмой глав первой книги полностью представляет из себя топику благого,³ откуда совещательный оратор должен черпать метод убеждения. Об этическом способе убеждения Аристотель, в частности, говорит (I, 8, 1366 a 8–15): “... но так как можно убеждать не только посредством силлогистических доказательств (*δι’ ἀποδεικτικῶν λόγων*), но еще и этическим способом, ... ввиду всего этого нам следовало бы обладать знанием нравов каждой из форм государственного правления, потому что нравственные качества каждой из них представляют для них самих наибольшую убедительность. ... Нравственные качества обнаруживаются в связи с намерениями, а намерение имеет отношение к цели”. Словами “нравственные качества” в переводе Платоновой передаются греческие термины *ἦθος* и *ἦθη*, что представляется неудовлетворительным, ибо здесь *ἦθος* означает соотношения, имеющие место в самой действительности, однако представленные в обобщенно-формализован-

³ О благом и прекрасном в “Риторике” Аристотеля см.: А. Ф. Лосев. *История античной эстетики. IV. Аристотель и поздняя классика* (М. 1975) 165; В. П. Зубов. *Аристотель* (М. 1963) 38–39.

ном виде.⁴ Особенно это подчеркивается словами: τὸ μὲν γὰρ ἐκάστης (sc. πολιτείας) ἦθος πιθανώτατον ἀνάγκη πρὸς ἐκάστην (sc. πολιτείαν) εἶναι, что дословно значит – “так как ‘этос’ каждой формы правления неизбежно является наиболее убедительным для каждой формы правления” (I, 8, 1366 a 12). В полном согласии с пониманием Стагиритом идеи как абстрактного обобщенного образа вещи, равной данной вещи, “этос” выступает здесь как идея определенного политического устройства. Это совпадает и с задачами риторики, которая, подобно всякому искусству, не рассматривает частных случаев, но имеет дело только с общим, т. е. с вероятным и необходимым, с тем, что случается по большей части.⁵ С этой точки зрения “этическая” (теперь это слово уже приходится брать в кавычки) речь должна полностью соответствовать реалиям общественной человеческой жизни или политики в данном государстве. Таким образом, об “этосе” или характере можно говорить как об отвлеченной форме действительности или модели данного объекта рассмотрения, с одной стороны, и с другой – об “этической” речи как о речи, в которой происходит реализация идеального, т. е. его перевод в план выражения. При этом необходимым условием остается принцип соответствия между изображаемым предметом и его образом, так что приходится различать два плана “этоса” – выраженный и невыраженный.

Одновременно нужно обратить внимание и на другой важный термин этического учения Аристотеля – проαίρεσις. Понятие проαίρεσις теснейшим образом связано с “этосом”. Неразрывны также понятия проαίρεσις и τέλος: “Нравственные качества (ἦθος), – замечает Аристотель (I, 8, 1366 a 20), – обнаруживаются в связи с намерением (προαίρεσις), а намерение имеет отношение к цели (τέλος)”. Προαίρεσις выступает в качестве опосредованного звена между ἦθος и τέλος, включает в себе смысл движения и рассматривается как объективное поступательное движение к цели или пре-

⁴ Термину ἦθος посвящена большая литература. Важнейшие работы: W. Süß. *Ethos. Studien zur älteren griechischen Rhetorik* (Leipzig – Berlin 1910); H. M. Hagen. *Ἠθοποιία: Zur Geschichte eines rhetorischen Begriffs* (Erlangen 1966); A. Hellwig. *Untersuchungen zur Theorie der Rhetorik bei Platon und Aristoteles* (Göttingen 1973).

⁵ О необходимом, вероятном и случайном подробнее см.: Т. А. Миллер. Аристотель и античная литературная теория // *Аристотель и античная литература* (М. 1978) 77–88.

следование цели вместе с ее осуществлением.⁶ В совещательной речи доминирующим способом анализа является не диалектика, но этика, понимаемая очень своеобразно. Дело в том, что она не всегда имеет отношение к морали. Под “этической” подразумевается речь, объективно отражающая систему ценностей той или иной политической действительности. И каждая из них имеет собственные цели. Простейшая структура “этической” речи с ее ярко выраженным телеологическим характером имеет вид: ἦθος – προαίρεσις – τέλος.

Предметом эпидейктической или торжественной речи является похвала, как ранее в совещательной – советы. Так как оба жанра имеют общую установку на благое (τὸ ἀγαθόν), то в них наблюдается много общих черт. Различие состоит в том, что если целью совещательной речи было благо в виде полезного, то здесь целью служит прекрасное (τὸ καλόν). Из этого следует, что прекрасное, как благо самодовлеющее, несет в себе дополнительный семантический оттенок, уже имеющий отношение не к этике, а к эстетике. В топически изложенном материале к области прекрасного Аристотель относит добродетель (ἡ ἀρετή). Здесь же указывается и на поступки (πρόξεις) в качестве следствий разных видов добродетелей. Аристотель пишет: “Так как человеку воздается похвала за его дела и так как нравственно хорошему человеку свойственно действовать согласно заранее принятому намерению (προαίρεσις), то должно стараться показать, что человек действует согласно намерению” (I, 9, 1367 b 21–24). Как видим, и в этом роде красноречия наличествует фактор движения. Добродетель рассматривается не только как цель, но и как средство, ведущее к цели. По Аристотелю, добродетели и пороки (ἀρεταὶ καὶ κακία; о последних говорится как о свойствах, противоположных добродетелям) образуют ἔξις – этическое качество или внутреннее состояние человека как предпосылку для определенных поступков и определенного образа жизни. Часто вместо ἀρετή синонимически употребляются другие слова, как, например, ἐπιείκεια – нравственная порядочность. Они лишь подтверждают морально-этическую наполненность понятия ἀρετή. Аристотель говорит, что указание на добродетель и добродетельные поступки есть необходимое условие энкомия, ибо деяния служат признаком нравственного характера. Отождествление

⁶ Лосев (см. прим. 3) 165.

ἀρετή и “этоса” не противоречит общей теории изображения человека в риторическом искусстве. Жанр торжественной речи уже по самой своей природе требует этически окрашенного содержания. Здесь в полном смысле мы имеем дело с ἠθικὸς λόγος. Схематически главные принципы, лежащие в основе эпидейктического жанра, можно было бы выразить как ἀρετή – προαίρεσις – καλόν.

Судебный жанр (I, 10), как и предыдущий эпидейктический, продолжает топику благого и полезного, к которой прибавляется еще и топика приятного (ἡδύ). Все эти причины мыслятся как целевые. Непосредственной темой судебного жанра является рассмотрение и анализ категории несправедливости. И если изложение самого топического материала не отличается строгой систематикой, то глубинная структура причин и следствий все-таки дает себя знать. Причинами несправедливых действий называются пороки, которые являются составной частью ἔξις, а также характеры и аффекты. На протяжении достаточно просторного раздела, посвященного судебной речи, неоднократно упоминается понятие προαίρεσις как мотив несправедливых поступков. В главе об удовольствии и приятном в качестве движения легко устанавливаются две причины – λογισμός (разум) и ἐπιθυμία (желание). Слово λογισμός, а в других случаях διάνοια (сознание), синонимично понятию φρόνησις. “Рассудительность (φρόνησις), – замечает Аристотель, – есть интеллектуальная добродетель, в силу которой люди в состоянии здраво судить о значении благ и зол” (I, 9, 1366 b 20–22). Основной принцип φρόνησις как руководства для правильной жизни – πρὸς τὸ εὖ ζῆν – заключается в различении ценностей общественной жизни. Таким образом, φρόνησις, а значит, и λογισμός, не имеют непосредственного отношения к морали. Эта добродетель относится к разряду дианоэтических добродетелей, в то время как ἀρετή есть добродетель этическая.

Сам по себе разнородный топический материал судебного жанра, рассматриваемый через призму конфликта человеческих поступков с писанным и неписанным законом, определяет его этически окрашенное изложение. Интегрирующим принципом жанровой топики, как и в предыдущих случаях, является благо. Вся терминология, и в первую очередь προαίρεσις в качестве движения и действия, свидетельствует о том, что и здесь Аристотель не отступает от своих исходных теоретических установок.

В начале второй книги “Риторики” философ еще раз указывает на знакомые нам элементы “этической” речи, прибавляя сюда еще

причину εὔνοια, о которой рекомендует читать в главах об аффектах (II, 1, 1378 a 18–20). Между тем фактор εὔνοια (благоклонность) в этих главах (II, 2–11) не упоминается вовсе. Но так как философ связывает благоклонность с аффектами, то ясно, что речь может идти только об обоюдных симпатиях оратора и слушателя. Называя элементы “этической” речи: ἀρετή, φρόνησις, εὔνοια, – Аристотель замечает, что кроме этих трех причин доверия, которое вызывает оратор, помимо доказательств, нет никаких других (II, 1, 1378 a 7–14). И однако как при обзоре отдельных жанров речи, так и во второй книге “Риторики” мы сталкиваемся с другими видами причин, которые автор трактата специально не оговаривает. Заканчивая изложение аффектов, Аристотель пишет (II, 11, 1388 b 30–32): “Вслед за этим рассмотрим, каковы бывают характеры (ἦθη) сообразно со страстями (πάθη) людей, их качествами (ἕξεις), возрастом (ἡλικία) и судьбой (τύχαι)”. Таким образом, в один типологический ряд попадают как этические, так и внеэтические категории. К последним относятся возраст, происхождение, богатство, могущество, удачливость и даже этническая принадлежность (III, 7, 1408 a 25–30). Разумеется, все эти категории, которые для Аристотеля служат причинами убедительности, связаны с определенными следствиями. И если первые причины – προαίρεσις и τέλος – означают движение, то последние – материю,⁷ т. е. тот строительный материал, благодаря которому создается “этическая” речь. Однако из упомянутого выше места (III, 7, 1408 a 25–30) хорошо видно, что философ четко отделяет этические элементы от внеэтических. Последние подпадают под термин γένος (род), тогда как ἕξεις (качества) и πάθη (аффекты) не определяются вообще. Несомненно, что под термином “род” кроется формально-логическое понятие. В таком случае ἕξεις и πάθη неизбежно будут занимать уровень вида. Термин γένος не покрывает собой понятие “этос”, зато под “этосом” у Аристотеля одинаково понимается и род и вид, а так как, с его точки зрения, вид в большей мере сущность, чем род,⁸ то весь анализ “этоса” и “этической” речи переносится из рода в вид. Так, о юношах Аристотель утверждает, что они совершают несправедливые поступки не вследствие молодости, но под влиянием гнева и страсти, ибо им свойственно быть гневливыми и страстными

⁷ Ср.: Aristot. *Metaph.* Δ. 1, 1013 a 10–14; 2, 1013 b 16–28.

⁸ Aristot. *Categ.* 5, 2 b 7–30.

(I, 10, 1369 a 7–15). Аффекты, как следует понимать Аристотеля, вытекают не из рода (γένος), к чему относится категория возраста, а из вида, т. е. из этического качества (ἔξεις). С последним же тесно связаны определенные аффекты (πάθη). Они-то и являются непосредственной причиной несправедливых поступков, которые, как элемент иерархической структуры выраженного “этоса” и “этической” речи, занимают самую нижнюю ступень, так что суждение “юноши гневливы и страстны” уже является полноценной риторической энтимемой.⁹

Учение о характерах (ἡ πραγματεία περὶ τῶν ἠθῶν) представляет собой единую логически замкнутую систему. Топика для этого учения черпается из области этики и политики, понимаемых в очень широком смысле. Но так как весь этот топический материал предназначен для нахождения способов убеждения, а следовательно, для построения доказательств, то они неизбежно должны строиться по законам логики, а не этики. Поэтому “этическая” речь получает столь же законченное логическое оформление, как и речь силлогистическая.¹⁰

В. В. Вальченко †

The posthumously published paper by V. Valchenko (1940–2006?) surveys the elements of the ἠθικὸς λόγος in Aristotle’s *Rhetorics*. According to the author’s opinion it is the specific type of argumentation which borrows its topics from ethics and politics, but is built in accordance with the logic in the same way as the ἀποδεικτικὸς λόγος.

⁹ Вопросом, к какой области (логики или психологии) относить так называемые “этические” доказательства, уже задавался Л. Шпенгель в статье: L. Spengel. Über die Rhetorik des Aristoteles // *Abhandlungen der Königl. Bayer. Akad. der Wiss. Philos.-hist. Kl.* 6, 2 (1851) 478–484. Специально о логических предпосылках “Риторики” см.: G. Kennedy. *The Art of Persuasion in Greece* (Princeton 1963); W. M. A. Grimaldi. *Studies in the Philosophy of Aristotle’s Rhetoric* (Hermes-Einzelschriften 25, Wiesbaden 1972).

¹⁰ См. Aristot. *Rhet.* III, 1396 b 30–35: “Энтимемы можно строить на общих местах (топах) о характерах, аффектах и нравственных качествах”, т. е. на основании тех элементов, которые составляют “этическую” речь.